П. И. Пѣвницкій.

ПРОБЛЕММА ЗЛА

В Ъ

пониманіи христіанства и толстовства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Сельскаго Вѣстника“, Мойка, 32.
1914.

2254

П. И. Пѣвницкій.

ПРОБЛЕММА ЗЛА

ВЪ

пониманіи христіанства и толстовства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Сельскаго Вѣстника“, Мойка, 32.
1914.

Пров. 1959

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
922
59

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
изъ „Вѣстника военнаго и морского духовенства“ за 1914 годъ.

Проблема зла въ пониманіи христіанства и толстовства.

Однимъ изъ больныхъ и исконныхъ вопросовъ человѣчества былъ и есть вопросъ о существованіи на землѣ зла и примиреніи его съ промысломъ Божіимъ. Человѣческая мысль дѣлала много попытокъ къ рѣшенію этого вопроса. Было время, когда люди въ лицѣ Сократа думали, что главная причина человѣческихъ золъ въ недостаткѣ просвѣщенія. Современный эволюціонизмъ также причину людского зла считаетъ интеллектуальною. Эволюціонизмъ, утверждающій, что и въ природѣ и въ исторіи совершается безостановочный прогрессъ, переходъ отъ низшаго къ высшему, отъ простого къ сложному, говоритъ, что и нравственность прогрессируетъ и что эгоизмъ людей, съ развитіемъ просвѣщенія, окончательно уступитъ мѣсто альтруизму, и мы тогда полюбимъ человѣчество, по выраженію главнаго представителя эволюціонизма—Спенсера такъ же, какъ любимъ теперь цвѣты и солнце. Излагать критику эволюціонизма не входитъ въ нашу задачу и мы упомянули о немъ лишь постольку, посколько онъ—эволюціонизмъ, какъ и подлежащій нашему разсмотрѣнію толстовскій пантеизмъ, даетъ мораль атеистичную, посколько и онъ видитъ источникъ высшаго руководящаго начала человѣческой жизни не въ Богѣ, а въ самомъ человѣкѣ.

Но вотъ весьма страннымъ представляется, когда о злѣ говоритъ и пантеизмъ. Вѣдь пантеизмъ есть ученіе о всебожіи, о томъ, что міръ есть Богъ и Богъ есть міръ, что человѣкъ, въ частности, есть необходимое, фатальное проявленіе абсолютной міровой силы, что, наконецъ, дѣйствія человѣка суть дѣйствія развивающагося въ немъ мірового разума и потому въ жизни человѣческой никакого зла нѣтъ и быть не можетъ; человѣкъ не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и потому не отвѣтственъ за нихъ: каждый человѣкъ есть то, чѣмъ онъ обязанъ быть и какимъ создала его природа. Современнымъ русскимъ пантеистомъ является, какъ извѣстно, недавно умершій графъ Л. Н. Толстой. Вотъ какъ рѣшаетъ онъ вопросъ о средствахъ искорененія зла—это не противиться злу, не допускать ни самому насилія, ни принимать участія въ

„организованномъ“, какъ онъ выражается, насилiи, правительственномъ государственномъ, существующемъ въ видѣ полиціи, судовъ, войскъ и т. д.

Графъ Толстой, какъ пантеистъ, отрицалъ бытіе личнаго Бога и личное безсмертіе души и потому можетъ быть причисленъ къ поборникамъ естественной, безрелигіозной морали. Источникомъ нравственности Толстой считалъ разумъ и совѣсть человѣка (по крайней мѣрѣ Толстой своимъ отрицаніемъ личнаго Бога, Богооткровенности евангельскаго ученія и непогрѣшимаго авторитета церкви призналъ за разумомъ и совѣстью право на безконтрольное толкованіе евангелія и, въ частности, евангельскаго ученія о смыслѣ жизни, о сущности зла и о средствахъ избавленія отъ него), но вѣдь разумъ находитъ что-либо въ нашей жизнедѣятельности только умнымъ или глупымъ, цѣлесообразнымъ или нецѣлесообразнымъ, выгоднымъ или невыгоднымъ, а не безусловно злымъ или безусловно добрымъ. Разумъ нашъ лишь познавательная сила, а не законодательная. Онъ можетъ, дѣйствуя, подъ вліяніемъ прирожденной человѣку нравственной способности, уяснять, что такое добро и зло и почему, по его соображеніямъ, нужно такъ, а не иначе, смотрѣть на доброе и злое. Но дѣлать это, еще не значитъ законодательствовать. Нашъ разумъ безсиленъ въ познаніи существа вещей, ихъ первой причины и конечной цѣли, поэтому на какомъ основаніи разумъ будетъ одни явленія жизни человѣческой называть добрыми, другія—злыми, на какомъ основаніи онъ будетъ признавать добро обязательнымъ для всѣхъ людей при всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ ихъ жизни, а зло безусловно недопустимымъ? Если бы разумъ человѣка былъ законодателемъ, то, несомнѣнно, не было-бы общеобязательныхъ нравственныхъ нормъ, разумъ каждаго человѣка былъ бы мѣркою его поступковъ и онъ давно бы поставилъ какъ и пытался ставить цѣлью человѣческой дѣятельности пользу, удовольствіе и вообще различные виды счастія личной жизни каждаго человѣка; при господствѣ одного разума, лишеннаго христіанскаго руководительства, не было-бы устойчивости въ опредѣленіи добра и мотивовъ его обязательности.

Даже Шопенгауеръ, глава современныхъ пессимистовъ, въ своихъ „Основахъ морали“ говоритъ, что невозможно выдумать болѣе дѣйствительнаго обоснованія морали, чѣмъ теологическое.

Самъ Спенсеръ въ своемъ „Изученіи соціологіи“ сознался, что религія даетъ людямъ наиболѣе сильныя побужденія къ добру, чѣмъ какая бы то ни была научная теорія или философская система.

Женевскій писатель Вильямъ Фрей однажды писалъ Толстому: „если для улучшенія нравственности вы хотите пользоваться христіанской религіей, то не сводите Христа съ пьедестала, на которомъ Онъ стоитъ уже болѣе 1800 лѣтъ. Это вредно. Отвергая божественное происхожденіе Христа, вы разрушаете самую сильную опору христіанской нравственности, то-есть симпатическія вліянія на душу вѣрующаго при лицезрѣніи

Христа — Бога, добровольно идущаго на позорную казнь... Христосъ по преимуществу очаровываетъ вѣрующихъ потому, что Онъ — Богъ, который могъ бы въ одно мгновеніе ока созвать вокругъ Себя легіоны ангеловъ, стереть съ лица земли все Ему противящееся и уничтожить, безъ всякаго ущерба для Себя, всю землю со всѣмъ живущимъ на ней. Вотъ почему люди, пораженные величіемъ духа и самоотверженіемъ Христа, съ умиленіемъ и покорностью выслушиваютъ заповѣди Распятаго на крестѣ и, будучи движимы благоговѣйнымъ чувствомъ признательности и подражанія, стремятся посильно выполнять ихъ". Будучи болѣе сильными, религіозные мотивы важны уже и потому, что являются, сравнительно съ другими, новымъ двигателемъ нравственной жизни. „Религія, говоритъ Адамъ Смитъ въ своей „Теоріи нравственнаго чувства", дѣлаетъ болѣе сознательнымъ и твердымъ естественное чувство долга, вслѣдствіе этого глубокорелигіозные люди вообще снискиваютъ наибольшее довѣріе къ своей честности, какъ заинтересованные лишнимъ побужденіемъ къ исполненію своего долга. Религіозный человѣкъ, подобно всякому свѣтскому человѣку, поступая извѣстнымъ образомъ, руководится и нравственнымъ чувствомъ, и одобреніемъ совѣсти, и людскимъ мнѣніемъ, и заботою о доброй славѣ. Но, кромѣ того, его направляетъ еще одно весьма важное соображеніе: при каждомъ шагѣ своемъ онъ призываетъ во свидѣтели Высшаго Судію". Въ произведеніяхъ Лермонтова: „Ангелъ", „Молитва", „Вѣтка Палестины", въ Тургеневскомъ „Дворянскомъ гнѣздѣ" и во многихъ другихъ поэтическихъ произведеніяхъ мы ясно видимъ, что человѣка вдохновляетъ на добро и самоотверженіе главнымъ образомъ тоска по лучшемъ, надземномъ, идеальномъ отечествѣ, когда-то имъ чрезъ грѣхъ утраченномъ и чрезъ Христа возвращенномъ. Безсмысліе и тягостность жизни внѣ Бога можно усматривать и въ Лермонтовскомъ „Демонѣ". Наконецъ, Монтескье также говоритъ, что „религія есть лучшая гарантія человѣческой добродѣтели".

Разумъ и прирожденное человѣку нравственное чувство сами по себѣ, безъ христіанскаго освѣщенія и руководства, въ виду духовной испорченности человѣка и существующаго вслѣдствіе этого преобладанія въ немъ отрицательныхъ наклонностей, не могутъ быть достаточно вѣрными, непогрѣшимыми руководителями въ жизни.

Итакъ, не рѣшивъ основныхъ метафизическихъ вопросовъ о первой причинѣ и конечной цѣли всего существующаго, нельзя говорить о томъ, каково должно быть поведеніе человѣка, а такъ какъ на вопросъ о происхожденіи и цѣли всего существующаго удовлетворительно отвѣчаетъ только христіанская религія, то нравственность непремѣнно должна быть обосновываема на богооткровенной религіи, и чѣмъ тѣснѣе связь нравственности даннаго лица съ религіозностью, тѣмъ нравственно-совершеннѣе должна быть его жизнь и дѣятельность.

Если нѣтъ личнаго Бога, создавшаго насъ для вѣчной жизни, давшаго намъ примѣръ и силу воплощенія добра, если нѣтъ личнаго безсмертія, то

не стоитъ отдавать себя на служеніе человѣчеству; любить человѣчество, зная его тлѣнность, зная, что оно лишь борется за свое существованіе и безслѣдно исчезаетъ въ круговоротѣ жизни,—прямо невозможно, поэтому недалекъ отъ истины „Иванъ Карамазовъ“ Достоевскаго, говоря, что безъ вѣры въ Бога и въ безсмертіе „ничего уже не будетъ безнравственнаго, все будетъ дозволено“, что эгоизмъ даже до злодѣйства, долженъ быть признанъ самымъ разумнымъ принципомъ жизни. Говорить о разумномъ смыслѣ жизни можно лишь тогда, когда будетъ найдено спасеніе личности отъ уничтоженія, когда откроется личная вѣчность, а это и дается христіанскою религіею, религіею вѣчнаго личнаго Бога и вѣчнаго личнаго безсмертія людей. Отъ толстовскаго отрицанія личнаго Бога и личнаго безсмертія прямая дорога скорѣе къ антихристіанскому сверхчеловѣку Ницше, нежели къ добродушному непротивленцу; съ точки зрѣнія естественной, безрелигіозной морали, съ точки зрѣнія софистическихъ принциповъ: „такъ мнѣ кажется и такъ мнѣ хочется“—одинаково законны и толстовскій альтруизмъ и ницшеанскій эгоизмъ; послѣдній даже скорѣе найдетъ себѣ откликъ въ природѣ человѣческой, испорченной грѣхомъ и склонной болѣе ко злу, нежели къ добру (Рим. 7,18—19). Извѣстный мыслитель—генералъ М. И. Драгомировъ († 1905 г.) однажды писалъ: „Только религія порождаетъ состояніе души, дающее счастье. Такое состояніе весьма мало зависитъ отъ видимой обстановки и весьма много отъ внутренняго настроенія. Мученики на кострѣ—лучшее тому доказательство. Развитіе цивилизаціи, создавшее современному европейскому человѣку массу потребностей и недавшее средствъ ихъ удовлетворить, породило общее недовольство въ душахъ. Это развитіе, конечно, мать прогресса, но вмѣстѣ съ тѣмъ—соціализма и анархіи, этого грознаго выраженія отчаянія толпы, не поддерживаемой никакими вѣрованіями“.

Повторяемъ, при отрицаніи высочайшаго личнаго авторитета—Бога невозможно дать удовлетворительнаго опредѣленія добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго.

Вотъ какъ, напр., разсуждаетъ о добрѣ и злѣ одинъ, нужно сказать, изъ лучшихъ представителей историческаго пантеизма—Спиноза: „Подъ добромъ я разумѣю то..., что и (мнѣ) полезно..., а подъ зломъ то, что бываетъ причиною печали...“, поэтому, напр., „состраданіе... есть... зло..., ибо состраданіе есть печаль“, съ другой стороны „смиреніе... и раскаяніе... не есть добродѣтель“, ибо... тотъ, кто раскаивается въ сдѣланномъ, вдвойнѣ жалокъ“. Вотъ сколь противорѣчива пантеистическая мораль: подъ такимъ опредѣленіемъ моральнаго и аморальнаго подпишется любой нигилистъ.

А вотъ какова мораль теиста: „Въ совершенномъ внутреннемъ согласіи съ высшею волею, говоритъ Вл. Соловьевъ въ своемъ „Оправданіи добра“, признавая за всѣми другими безусловное значеніе или цѣнность, поскольку и въ нихъ есть образъ и подобіе Божіе, принимай возможно полное участіе въ дѣлѣ своего и общаго совершенствованія ради окон-

чательнаго откровенія Царства Божія въ мірѣ“ (230 стр.). За человѣкомъ, продолжаетъ Соловьевъ (232 стр.) „мы признаемъ *безусловное* достоинство, признаемъ, что оно есть цѣль для Бога и тѣмъ болѣе должно быть цѣлью для насъ,—что Самъ Богъ не дѣлаетъ его *только* орудіемъ своего дѣйствія, и тѣмъ менѣе имѣемъ мы право дѣлать его такимъ орудіемъ для себя,—мы уважаемъ это существо, такъ какъ Самъ Богъ его уважаетъ, или точнѣе: *мы должны съ нимъ считаться, такъ какъ Самъ Богъ съ нимъ считается*“.

Мысль о необходимой связи нравственности съ религіей подтверждается и анализомъ состоянія, какое испытываетъ грѣшный человѣкъ вообще и преступный въ особенности: *запятнанная совѣсть человѣка находитъ успокоеніе только въ Богѣ*. Эта мысль прекрасно выражена Достоевскимъ въ упомянутыхъ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, въ разсказѣ старца Зосимы, именно въ лицѣ неизвѣстнаго гостя. Убившій женщину испытываетъ ужасныя мученія совѣсти: онъ и благотворительностью занимается, и хочетъ быть хорошимъ семьяниномъ и отцомъ, старается весь уйти въ идеальное исполненіе своего служебнаго долга, и все это съ цѣлью заглушить мученія совѣсти. Но все оказывается напраснымъ и только тогда убійца освобождаетъ свою душу отъ невыносимыхъ мученій, когда исповѣдалъ передъ Богомъ свой грѣхъ, призналъ себя грѣшникомъ, представилъ себя на судъ Божій. *Нарушеніе нравственнаго закона можетъ исправить и загладить только Самъ Богъ*, давшій этотъ законъ. Это та же мысль, что и у ап. Павла, проповѣдывавшаго что человѣкъ спасается отъ грѣховной тяготы только вѣрою, а не добрыми дѣлами. Это не значитъ, что добрыя дѣла ненужны для спасенія, а значитъ, что человѣкъ, сознающій себя грѣшникомъ, не можетъ безъ Бога освободиться отъ упрековъ своей совѣсти, не достигнетъ мира духовнаго *самъ*, однѣми лишь своими силами, какіе-бы подвиги онъ не совершалъ. Онъ долженъ обратиться къ Богу, и только Богъ можетъ освободить, утѣшить и успокоить его мятущуюся совѣсть. „Если Авраамъ, говоритъ ап. Павелъ, дѣлами оправдался, то онъ имѣетъ похвалу, но не передъ Богомъ“ (Рим. 4,2). Въ глазахъ людей и по ихъ понятіямъ можно свои грѣхи покрыть подвигами, добрыми дѣлами, но передъ Богомъ человѣкъ остается все тѣмъ-же безотвѣтнымъ грѣшникомъ, пока не обратится онъ къ Богу за прощеніемъ, пока не покается.

Эта же мысль раскрывается и въ слѣдующемъ краткомъ разсказѣ „Русскаго Паломника“ (январь, 1900 г., „Вѣрнымъ путемъ“). Въ одномъ селѣ былъ пожаръ. Въ горѣвшей избѣ мать забыла ребенка. Никто не рѣшался спасти его. Какой-то каторжникъ, неожиданно появившійся, бросается въ огонь и, къ изумленію всѣхъ, спасаетъ младенца. Казалось-бы наступилъ для каторжанина „сладкій мигъ прощенія“. Онъ подошелъ къ присутствовавшему на пожарѣ отцу Константину и, протягивая ему ребенка, сказалъ: „благослови“. О. Константинъ благословилъ младенца, а каторжнику сказалъ „спасибо“. Это почти буквальное повто-

реніе приведенныхъ словъ апостола: „Авраамъ имѣетъ похвалу, но не передъ Богомъ“. Мы, люди, удивляемся тебѣ, готовы преклониться передъ тобой за твой великій подвигъ, но простить тебя, разрѣшить отъ узъ твоей совѣсти мы не можемъ. „Покайся, примирись съ Господомъ, и тогда получишь мое благословеніе“, отвѣтилъ каторжнику о. Константинъ. Господь далъ намъ совѣсть, только Онъ и можетъ насъ очистить отъ грѣха и освободить отъ угрызеній совѣсти, спасеніе наше только во Христѣ и со Христомъ. Только Христосъ, абсолютно безгрѣшный и невинный, добровольно взявшій на себя вину людей, которые загладить свою вину передъ Богомъ своими силами не могли и не могутъ, только Онъ, добровольно пострадавшій за грѣхи людей, можетъ примирить нашу совѣсть съ Богомъ).

Толстовство старается подорвать нашу вѣру въ бытіе личнаго Бога ссылкой на людскія страданія, каковыя будто не мирятся съ существованіемъ всеблагого Бога, заботящагося о благѣ людей. Мы же говоримъ, что Самъ Богъ въ лицѣ Христа воплотилъ въ Себѣ добро, терпѣніе и всепрощеніе. Самъ Богъ показалъ на Себѣ неизбѣжность страданій въ виду духовнаго несовершенства людей. Христіанство показало, что крестъ есть добро: во Христѣ мы видимъ могущество страждущаго добра, побѣду добра надъ зломъ, несмотря на кажущіяся его пораженія на землѣ; страданія для человѣка благотворны, такъ какъ производятъ въ человѣкѣ „*печаль... по Бозѣ*“ (2 Кор. 7, 10), недовольство земнымъ, заставляетъ думать объ иномъ лучшемъ мірѣ, научаютъ *самоотреченію* и состраданію и тѣмъ служатъ школою любви къ ближнимъ. Все лучшее на землѣ обречено на страданіе именно по своей наибольшей способности къ очищенію отъ зла (Іоан. 15, 2) и большей любви къ нему Божіей, ибо кого любитъ Господь, того и наказываетъ (Притч. 3, 11). Наконецъ, необходимымъ условіемъ дѣйственности для насъ искупленія, совершеннаго Іисусомъ Христомъ, является именно личное участіе каждаго изъ насъ въ искупленіи, сораспятіе Христу для усвоенія всѣхъ спасительныхъ плодовъ Голгофской жертвы. Замѣчательно, христіанскіе подвижники и мученики поражали своихъ современниковъ именно своею необыкновенною жизнерадостностью и умѣньемъ передавать свой оптимизмъ тѣмъ или инымъ падавшимъ духомъ людямъ. Сколько, напримѣръ, терпѣлъ страданій св. ап. Павелъ (2 Кор. 11, 29—30), однако, онъ всегда говорилъ: „*непрестанно радуйтесь*“ и называлъ „иго“ Христово дѣйствительно „благимъ и легкимъ“.

А вотъ какъ наши отечественные писатели думали о страданіяхъ и какъ они примиряли ихъ съ промысломъ Божіимъ. Такъ, напр., Гоголь писалъ Аксакову: „принимайте покорно все, что ниспосылается вамъ Тѣмъ, Кто насъ создалъ и знаетъ лучше насъ, что намъ нужно. Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро. Все, что ни дѣлалось со мною, было спасительно для меня: всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ Высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, чтобы я не

впалъ въ преувеличенное о себѣ мнѣніе". Поэтъ Козловъ, сразу въ параличѣ лишившійся зрѣнія и ногъ, въ своихъ стихотвореніяхъ, однако, даетъ намъ дивные гимны во славу Бога, „Который намъ крестъ даетъ... и въ крестѣ же надежду посылаетъ". Тургеневъ также говоритъ: „тяжелый трудъ, постоянное отреченіе и исполненіе долга—вотъ тайный смыслъ и разгадка жизни". Достоевскій въ „братьяхъ Карамазовыхъ" устами старца Зосимы говоритъ Алешѣ: „въ горѣ счастья ищи", тѣмъ болѣе, продолжаетъ онъ, что „всякій предъ всѣми и за все виноватъ", поскольку бываетъ холоденъ къ участи другихъ. Профессоръ Харьковскаго Университета, докторъ медицины, Шилтовъ пишетъ: „когда я лишился близкаго человѣка, то жизнь потеряла въ моихъ глазахъ всякій интересъ, я весь ушелъ въ себя и отдался изученію св. Писанія, теперь я пользуюсь не только душевнымъ миромъ, но и христіанскою радостью".

А вотъ какъ говоритъ французскій писатель Аміель: „жизнь есть обученіе прогрессивному отреченію, постоянному уменьшенію нашихъ требованій, нашихъ надеждъ, нашихъ силъ, нашей свободы, нужно потерять жизнь, чтобы пріобрѣсти ее, отдавать—чтобы получить ее, ничего не имѣть, чтобы все покорить, отречься отъ своего я, чтобы Богъ отдался намъ. Безъ страданія неузнаешь истиннаго счастья. Каждый изъ насъ носитъ въ самомъ себѣ своего палача, своего демона, свой адъ въ своемъ грѣхѣ...—грѣхъ его идолъ и проклятіе. Умереть грѣху—это удивительное слово христіанства является высшимъ теоретическимъ разрѣшеніемъ внутренней жизни". Даже пессимистъ Гартманъ говоритъ, что „страданіе есть школа любви... только страданіе будитъ въ насъ состраданіе". Нѣмецкій ботаникъ Рейнке говоритъ: „въ изобиліи и счастіи, безъ необходимости въ трудѣ и въ борьбѣ, человѣчество сгнило бы въ праздности своей, матери всѣхъ пороковъ". Даже невѣрующій Байронъ говоритъ: „когда болѣзнь гнететъ меня, она во мнѣ нежданно будитъ вѣру". О пользѣ страданій говоритъ и Шекспиръ въ своемъ „Королѣ Лирѣ".

Итакъ, страданія людей, какъ испорченныхъ грѣхомъ, неизбѣжны и благотворны и потому не обезсмысливаютъ жизни, не говорятъ о торжествѣ зла на землѣ, не свидѣтельствуютъ объ отсутствіи промысла Божьяго и даже, наоборотъ, приводятъ къ непоколебимой вѣрѣ въ послѣдній, содѣйствуя человѣку въ очищеніи грѣха. Вѣдь и Христосъ только физически или внѣшне былъ побѣжденъ, но нравственно Онъ оказался побѣдителемъ, такъ какъ ученіе Христа препобѣдило и вытѣснило ученія всѣхъ другихъ основателей религій. Какъ только та или иная нація становилась культурной, такъ вскорѣ же оставляла прежнія религіозно-нравственныя воззрѣнія и усвояла христіанскія.

Все же, продолжаютъ намъ возражать, христіанство ортодоксальное, церковное умираетъ, а толстовское все болѣе и болѣе реализуется, потому что оно никакихъ крестовъ не возлагаетъ на людей, не осмысливаетъ, не легализируетъ и не санкціонируетъ страданія, а рѣшительно отрицаетъ ихъ и средствомъ къ устраненію ихъ считаетъ не простое тер-

пѣніе, а реальное, хотя и пассивное, противленіе злу чрезъ отказъ въ участіи въ какихъ бы то ни было проявленіяхъ зла. При чемъ зломъ Толстой называетъ все то, что носитъ характеръ насилія, что соединено съ насиліемъ: войну, судебныя и полицейскія учрежденія съ ихъ тюрьмами и смертными казнями. При толстовскомъ пантеистическомъ міропониманіи, говорятъ, легче мириться съ означенными соціальными несовершенствами, такъ какъ они являются не орудіемъ въ рукахъ Промысла Божьяго, чрезъ нихъ смиряющаго человѣка, какъ учитъ теистическое христіанство, а исключительно результатомъ умственнаго и нравственнаго недоразвитія людей.

По поводу сказаннаго мы повторимъ, что вѣдь и церковное христіанство не считаетъ всякія бѣды и лишенія человѣка явленіемъ нормальнымъ: оно смотритъ на людское страданіе, какъ на нѣчто болѣзненное и случайное, вошедшее въ жизнь чрезъ грѣхъ людей, но при вѣрѣ въ Промыслъ Божій могущее дать людямъ добрыя послѣдствія и явиться хорошимъ педагогическимъ средствомъ къ воспитанію въ нихъ смиренія, воздержанія и состраданія.

Что касается, въ частности, насилія, то и оно разсматривается церковью какъ средство неизбѣжное въ виду несовершенства людей, а иногда какъ даже идейное, напримѣръ, при защитѣ притѣсняемаго. Затѣмъ, почему защитники Толстого не трактуютъ о толстовствѣ, какъ о доктринѣ самостоятельной, припутываютъ его къ христіанству? Почему они называютъ ученіе Толстого толстовскимъ „христіанствомъ“? Доктрина Толстого, намъ отвѣчаютъ, называется христіанскою постольку, поскольку ею восхваляется христіанская любовь и осуждается ненависть, злоба и соединенное съ ними насиліе. На это мы должны сказать, что, во-первыхъ, любовь и эгоизмъ въ пантеистической нравственности, какъ было замѣчено выше, одинаково законны, такъ какъ, по ученію Толстого, человѣкъ есть лишь слѣпое орудіе дѣйствующаго чрезъ него, тоже безличнаго, абсолютнаго начала, а любовь въ истинномъ христіанствѣ основана на идеѣ личнаго Бога, показавшаго намъ въ лицѣ Іисуса Христа образецъ жизни, основанной на любви, и воплотившаго въ Немъ добро чрезъ побѣду надъ зломъ; естественное же влеченіе къ добру у человѣка, испорченнаго грѣхомъ, само по себѣ очень неустойчиво, такъ что разумъ и совѣсть являются гарантіей добра только въ томъ случаѣ, если мы освѣщаемъ и подкрѣпляемъ ихъ союзомъ съ Тѣмъ, Который вложилъ ихъ въ насъ и исцѣлилъ чрезъ Христа. „При случаѣ, говоритъ еп. Ѳеофанъ Затворникъ, что-нибудь доброе можетъ сдѣлать и не христіанинъ, но опредѣлить себя на постоянное и неуклонное дѣланіе добра человѣкъ не въ силахъ, безъ помощи благодати Божіей“. Во-вторыхъ, насиліе, допускаемое властью, не есть причина соціальныхъ золъ, что Самъ Христосъ вынуждаемъ былъ иногда примѣнять принужденіе, напримѣръ, при изгнаніи торгующихъ изъ храма; между прочимъ, отъ сотника, предъ исцѣленіемъ его слуги, Христосъ не требовалъ отреченія отъ военной службы.

Причиною зла въ людской жизни Христосъ считалъ не насиліе (насиліе лишь одинъ изъ результатовъ и признаковъ духовнаго несовершенства людей), а эгоизмъ. Уничтожь каждый человѣкъ въ себѣ эгоизмъ, злобу, всецѣло проникнись любовію, въ подражаніе Христу, тогда по отношенію къ тебѣ никто и никогда не примѣнитъ насилія. Эта любовь, если бы ею проникліись *всѣ и каждый*, конечно, сдѣлала бы излишнимъ и законное насиліе.

Толстовцы говорятъ, что и сейчасъ многіе, если не всѣ, готовы проникнуться любовію и не прибѣгать никогда къ насилію, но ихъ заставляютъ принимать участіе въ насиліи, требуя ихъ на войну и на судъ (хотя бы, напр., въ качествѣ свидѣтелей, присяжныхъ засѣдателей и т. д.). Что за бѣда, съ точки зрѣнія толстовства, если бы какой-нибудь сосѣдній съ нами народъ, видя насъ безоружными, овладѣлъ нами? По поводу этого мы скажемъ слѣдующее: предположимъ, что отъ господства надъ нами другого народа благополучіе нашей страны не пострадало бы, хотя исторія показала намъ ужасы татарскаго ига, но вѣдь нашимъ пассивнымъ подчиненіемъ сосѣднему народу дѣло не кончилось бы: гдѣ гарантіи того, что такіе же аппетиты на нашу покорную страну не разыграются у другихъ народовъ? Не послужимъ ли мы со своимъ непротивленіемъ для всѣхъ народовъ яблокомъ раздора и не прольется ли еще больше крови, нежели сколько проливается ея при сопротивленіи врагу силою? Вотъ тому доказательства: нѣкоторыя племена Америки покорно встрѣтили испанское иго, но испанцы отъ этого не сдѣлались къ нимъ мягче и снисходительнѣе. Островитяне Австраліи поражали всѣхъ европейцевъ своимъ незлобіемъ, но это незлобіе не спасло ихъ отъ участи покоренныхъ и эксплоатируемыхъ. Нѣкоторые народы Индіи до англійскаго владычества жили въ такихъ идиллическихъ условіяхъ быта, что даже не умѣли воевать: буддійская религія индійцевъ пріучила ихъ къ пассивной покорности. Поэтому англичане сначала занимали цѣлыя страны безъ всякаго сопротивленія жителей; однако, это непротивленіе не помѣшало завоевателямъ насильничать въ беззащитной странѣ и выжимать всѣ соки изъ населенія. Тамъ же, гдѣ насиліе встрѣтило себѣ энергичный отпоръ, завоеватели становились не такъ беззастѣнчивы и умѣряли свои хищническіе инстинкты. Такимъ образомъ, непротивленіе, въ виду духовнаго несовершенства людей, только умножаетъ насиліе, поэтому, въ виду эгоистическаго настроенія народовъ, не лучше ли нашей странѣ совершенствовать свою военную технику, чтобы быть всегда страшной врагу и тѣмъ самымъ оберегать миръ отечества? Что касается насилія, проявляющагося въ судебныхъ наказаніяхъ, то неужели, на самомъ дѣлѣ, грабежи, убійства и всякое другое беззаконіе допускаются людьми только потому, что существуютъ у насъ суды, наказывающіе виновныхъ тюрьмами и смертными казнями?

Правда, что наказанія не всегда исправляютъ преступника, но, по крайней мѣрѣ, насильственными мѣрами наказанія оберегается мирное

общество отъ всякаго рода хулигановъ и до нѣкоторой степени предупреждаются подобные поступки другихъ, способныхъ на преступленія. Предположимъ, я, другой и третій, будучи обворованы, не привлечемъ виновныхъ къ отвѣтственности, будетъ ли значить это, что они—похитители—сами образумятся и вернутъ похищенное, не вѣрнѣе ли будетъ то, что они и подобные имъ, видя безнаказанность похищенія чужой собственности, возьмутъ у насъ послѣднее, чтобы отъ насъ за такою же добычею отправиться и къ другимъ непротивленцамъ. Исторія съ канадскими духоборами это и подтвердила: злоупотребленія ихъ непротивленіемъ со стороны мѣстныхъ жителей заставили и ихъ обратиться за содѣйствіемъ къ власти. „Пока, говоритъ Вл. Соловьевъ въ „Оправданіи добра", Каиновы чувства не исчезли въ сердцахъ людей, солдатъ и городовой будутъ не зломъ, а благомъ".

Итакъ, идеалъ Толстого, сравнительно съ христіанскимъ, гораздо уже: его идеалъ — идеалъ личнаго и по преимуществу матеріальнаго счастья и пассивнаго недѣланія людямъ того, чего самъ себѣ не желаешь, а идеалъ Христовъ активный, творческій и общечеловѣческій, т. е. дѣйствительное христіанство налагаетъ счастье не въ закмнутой въ себя опрощенности и отрѣшенности отъ интересовъ ближняго и общества, а въ активной, творческой, созидательной работѣ на всѣхъ поприщахъ соціально-культурной жизни въ цѣляхъ христіанизированія не личности только, но и всей соціально-государственной и международной жизни.

Вѣдь и Толстой, снова намъ возражаютъ, говорилъ, что настанетъ и всеобщее благоденствіе при личномъ счастьѣ каждаго, при личномъ неучастіи въ злѣ. — Да, это вѣрно, но вѣдь Толстой достигаетъ личнаго счастья чрезъ отрицаніе существующихъ культурныхъ и правовыхъ формъ жизни, чрезъ прощеніе и возвращеніе къ первобытному дикому состоянію, въ какомъ когда-то жили наши предки и въ какомъ приблизительно живетъ нашъ земледѣлецъ-мужичекъ. А христіанство, признавая глубокосимпатичныя стороны некультурнаго крестьянина (его искренность, доброту, отзывчивость, религіозность и проч.), все-таки не считаетъ его *состояніе* идеальнымъ, чѣмъ-то должнымъ, обязывающимъ и интеллигентные классы общества оставить культурные центры и ученыя работы и взяться за соху и косу. Христіанство благословляетъ и умственный, культурный прогрессъ въ цѣляхъ раскрытія Богомъ данныхъ людямъ талантовъ, въ цѣляхъ болѣе глубокаго постиженія премудрости и благости Божіей, явленныхъ въ мірѣ и исторіи человѣка, и въ цѣляхъ, наконецъ, полнаго, а не въ сердцахъ только отдѣльныхъ лицъ, осуществленія христіанскихъ началъ въ жизни личной, семейной, общественной, государственной, международной и вообще культурной, говоря короче, — въ цѣляхъ насажденія на землѣ царства Божьяго.

Почему же, спрашиваютъ насъ наши противники, культурные слои общества, нехристіанскую жизнь которыхъ отрицалъ Толстой, почему онито такъ увлеклись Толстымъ? Почему люди культуры, отвергнутой Тол-

стымъ, все-таки возвели личность Толстого на высокій и, какъ они выражаются, безсмертный пьедесталъ и сочли его истиннымъ выразителемъ подлиннаго христіанства, искаженнаго якобы офиціальными представителями его? На это мы отвѣчаемъ, что интеллигенція рѣшительно отвергла отрицательный взглядъ Толстого на культуру, а если нѣкоторые и увлеклись религіозно-философскимъ его ученіемъ, то исключительно въ виду его анархическаго направленія. Толстой былъ анархиченъ и въ религіи, и въ политикѣ: въ первой онъ отвергъ все непонятное, все догматическое: личнаго Бога, Божество Христа и личное безсмертіе, а въ области политики отвергъ всякую власть, какъ основанную будто исключительно на насиліи.

„Такъ что изъ этого? спрашиваютъ насъ: вѣдь Толстой-де отрицалъ всякія оковы для воли людей не въ качествѣ простого эгоиста-индивидуалиста, а въ качествѣ человѣка, желавшаго облегчить жизнь людей, которые опутали себи разными излишними условностями и учрежденіями. Освободи-ка себя человѣчество отъ содержанія полиціи, войска, тюремъ, правительства, и тогда-де главная ноша спадетъ со спины людей. Офиціальное христіанство, говорятъ, преслѣдуетъ какія-то универсальные, абсолютныя идеи царства Божьяго, „ловитъ, выражаясь образно, журавля въ небѣ, а синицу не хочетъ взять въ руки“, не хочетъ снять съ человѣчества оковы неволи и нищеты. Вотъ почему-де интеллигенція превознесла Толстого: его проповѣдь реальнѣе и категоричнѣе, чѣмъ проповѣдь присяжныхъ представителей религіи, витающихъ гдѣ-то въ области загробнаго осуществленія Царства Божьяго. Во всѣхъ этихъ мысляхъ звучитъ неправда, такъ какъ вѣдь и церковное христіанство готово снять съ людей всякіе путы, но только оно предлагаетъ другой способъ достиженія Царства Божія. Толстой говоритъ: откажись отъ суда, войны и всякаго насилія и будетъ хорошо, а христіанство говоритъ: возроди каждый человѣкъ свой эгоистическій духъ, пропитай свои мысли, чувства и поступки одною безкорыстною любовію, и тогда не нужны будутъ, и сами исчезнутъ, различные виды организованнаго, правительственнаго насилія. Будьте здоровы всѣ безъ исключенія, сдѣлайте для себя болѣзни невозможными и тогда не нужны будутъ врачи съ горькими и дорогими лекарствами. Толстой хочетъ дать счастье людямъ внѣшнимъ, правда, болѣе скорымъ путемъ, а Христосъ — внутреннимъ, болѣе продолжительнымъ, но за то вѣрнымъ и прочнымъ путемъ. „*Ищите*“, говоритъ, Онъ „*прежде всего царствія Божьяго*“, создайте сначала въ *душѣ* своей счастье, будь сначала каждый самъ человѣкомъ и христіаниномъ, „*а сія вся приложатся вамъ*“ (Мѳ. 6,33), т. е. внѣшнія условія жизни сами собою замѣнятся лучшими и совершеннѣйшими. Впрочемъ, можетъ исчезнуть насиліе, а власть, наблюдающая за порядкомъ, всегда будетъ: она существуетъ даже въ мірѣ безплотныхъ духовъ-ангеловъ, въ видѣ архистратига, архангеловъ и т. д.

Вѣдь Толстой, продолжаютъ возражать, въ своихъ пожеланіяхъ

счастья людямъ тоже не рекомендовалъ *внѣшній*, насильственный способъ замѣны внѣшнихъ условій жизни лучшими, а предлагалъ лишь пассивный отказъ отъ всякихъ формъ насилія, пассивное неучастіе въ правительственныхъ функціяхъ, поскольку онѣ связаны съ насиліемъ.

Мы же говоримъ, что путь отказа отъ участія въ правительственномъ, организованномъ насиліи все-таки есть путь, такъ сказать, *внѣшній* въ достиженіи счастья и потому невѣрный, не вырывающій съ корнемъ причину существованія зла и организованнаго насилія,—это эгоизмъ людей.

Такимъ образомъ, говорятъ сторонники Толстого, церковное христіанство рекомендуетъ человѣчеству терпѣливо ждать всеобщаго счастья, а пока покорно повиноваться отъ Бога поставленнымъ властямъ въ надеждѣ, что означенное счастье все-таки придетъ, хотя и нескоро, и, можетъ быть, не здѣсь, а въ будущей жизни?

Въ этихъ словахъ звучитъ упрекъ христіанству въ пристрастіи, въ призываніи благословенія на начальствующихъ и сильныхъ и въ приглашеніи подчиненныхъ къ терпѣливому повиновенію имъ. Повторяемъ, что христіанство не только индивидуалистично, но и не чуждо общественности, т. е. оно, проповѣдуя личное самоусовершенствованіе въ качествѣ лучшаго условія и соціальнаго благополучія, тѣмъ самымъ отнюдь не отстраняетъ личность отъ общественно-государственной жизни и даже, наоборотъ, считаетъ послѣднюю почвой, на которой христіански настроенная личность должна осуществлять великіе завѣты Христа, завѣты любви правды и истинной свободы. Человѣкъ, по христіанскому ученію, христіанизируя свою личность, тѣмъ самымъ незамѣтно христіанизирующе дѣйствуетъ и на ту соціально-политическую среду, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. Затѣмъ христіанство, проповѣдуя богоучрежденность власти и повиновеніе ей, вовсе не желаетъ потворствовать могущимъ быть здѣсь злоупотребленіямъ. У христіанина есть, во-первыхъ, границы повиновенія властямъ, какъ видно изъ отвѣта апостоловъ членамъ синедріона, запрещавшимъ имъ проповѣдь о Христѣ (Дѣян. 4,19), т. е. христіанинъ можетъ не повиноваться противухристіанскимъ повелѣніямъ власти, если бы таковыя были; во-вторыхъ, христіанство предъявляетъ свои требованія одинаково ко всѣмъ людямъ, людямъ всякихъ соціальныхъ положеній; въ-третьихъ, развѣ всѣ житейскія бѣды и *горести* людскія происходятъ исключительно на матеріальной почвѣ, развѣ „царствіе Божіе“ только бѣдностью „нудится“, а правящіе и состоятельные люди, оставаясь таковыми, не дѣлаясь матеріальнобѣдными и соціально малыми, свободны отъ всякихъ крестовъ и безнадежно далеки отъ царствія Божьяго?

Вѣдь кому мало дано, съ того мало и взыщется: заботы и обязанности крестьянина исчерпываются лишь домомъ и хозяйствомъ. Образованный же человѣкъ, занимающій то или иное общественное положеніе, обремененъ не только личными, домашними, но и общественными обязанностями, онъ видитъ, что отъ такого—или иного отношенія его къ занимаему имъ соціальному мѣсту въ значительной мѣрѣ, а иногда и

всецѣло, зависитъ судьба многихъ людей. Несомнѣнно, что и образованные классы, и привеллигированныя лица не свободны отъ какого-либо житейскаго или христіанскаго креста, что и у нихъ бываютъ свои *горести* и лишенія, даже большія, нежели у тѣхъ, кому мало дано. Соціальныя и дипломатическія сѣти, какими опутана жизнь культурнаго человѣка и общественно-государственнаго дѣятеля, гораздо сложнѣе и рискованнѣе, нежели сѣти, существующія въ узенькомъ мірѣ малограмотнаго простеца. Кто станетъ оспаривать трудность положенія лица, занимающаго тотъ или иной отвѣтственный постъ: какимъ глубокимъ и тонкимъ умомъ онъ долженъ обладать, какая нужна осторожность не только въ дѣйствіяхъ, но даже и въ словахъ, какая легкая возможность нажить враговъ и потерять друзей, какая опасность утратить имя и даже жизнь. Неудивительно поэтому, что многіе люди отказываются отъ высшихъ назначеній, предпочитая оставаться въ той или иной скромной общественной роли. Развѣ не приходится намъ слышать подобное: „да, я не желалъ бы быть педагогомъ, я бы не могъ быть священникомъ, *я не хотѣлъ бы стоять наверху власти* и т. д.? Развѣ не извѣстны намъ случаи, когда человѣкъ образованный, занимающій видный общественный постъ, вдругъ все покидаетъ и уходитъ въ какое-либо глухое свое имѣніе и такимъ образомъ бѣжитъ и отъ денегъ, и отъ почестей, и даже, можетъ быть, отъ будущей громкой извѣстности?

Развѣ не глубокая жизненная правда звучитъ въ извѣстномъ намъ стихотвореніи Некрасова: „Кому жить хорошо на Руси?“ Все это ясно говоритъ о томъ, что на самомъ дѣлѣ „хорошо лишь тамъ, гдѣ насъ нѣтъ“, какъ выразился Чацкій въ Грибоѣдовскомъ „Горе отъ ума“, и что истинное и прочное счастье существуетъ только въ душѣ человѣка, въ его мирной и чистой совѣсти, въ его глубокой вѣрѣ во внутреннее превосходство добра надъ зломъ, торжество коего, при глубокомъ наблюденіи, оказывается лишь внѣшнимъ, кажущимся и жалкимъ.

Однимъ словомъ, каждый человѣкъ, какое положеніе ни занималъ бы, неизбѣжно приходитъ къ сознанію, что, если нѣтъ въ его сердцѣ царствія Божьяго, ничто не дастъ ему полнаго удовлетворенія или полнаго счастья. Вотъ почему лучшіе люди всегда находили конечное примиреніе своихъ идей съ дѣйствительностью только въ религіи [1]).

Все же, продолжаютъ возражать, фактически—то люди живутъ не по христіански, а по толстовски, т. е. злу обычно не противятся, предпочитаютъ не бороться со зломъ, не побѣждать его, а такъ или иначе удаляться отъ него и сохранять такимъ образомъ, выгодный, хотя, можетъ быть и худой миръ,—не предпринимать непріятной, хотя бы и идейной борьбы. Иллюстраціей сказаннаго, говорятъ, можетъ служить цѣлый рядъ пословицъ, вошедшихъ, такъ сказать, въ плоть и кровь людскихъ воззрѣній и отношеній: „худой миръ лучше доброй ссоры“, „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“ и т. д.; да и Священное Писаніе вѣдь говоритъ: „*уклонись отъ зла и сотвори благо*“.—На это мы замѣчаемъ,

что именно жизнь то и показываетъ намъ, что буквальное непротивленіе злу, которое желательно провести въ жизнь толстовцамъ, въ качествѣ обязательнаго для всѣхъ принципа жизни, является низкимъ и недостойнымъ человѣка, такъ какъ оно можетъ только способствовать развитію насилія и вообще зла, какъ не встрѣчающаго на своемъ пути никакихъ препятствій. Канадско-американская администрація прямо говорила, что духоборческія общины своею практикою непротивленія вліяютъ деморализующимъ образомъ на окрестныхъ жителей, давая имъ возможность легко и безнаказанно творить зло.

Что Іисусъ Христосъ не отрицалъ юридическій судъ, не отрицалъ за человѣкомъ права обращаться къ суду въ цѣляхъ воздѣйствія на обидчика, это видно во 1-хъ изъ словъ Его къ Пилату, въ которыхъ Онъ призналъ власть Божественнымъ установленіемъ (Іоанна 19, 11); во 2-хъ изъ тѣхъ словъ нагорной бесѣды, которыми даже за словесное оскорбленіе человѣкъ имѣетъ право привлекать обидчика къ суду (Мѳ. 5, 22); въ 3-хъ изъ упрека Іисуса Христа книжникамъ и фарисеямъ, что они оставили важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру (Мѳ. 23, 23); въ 4-хъ—изъ отвѣта Христа тому, кто проситъ Его разсудить съ братомъ по дѣлу о наслѣдствѣ: „кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?“ (Луки 12, 14). Этими словами Христосъ указалъ, что есть спеціальныя законныя установленія, на обязанности которыхъ лежитъ защита юридически и экономически притѣсняемыхъ. По поводу отказа Христа осудить блудницу также должно замѣтить, что обращеніе фарисеевъ ко Христу не было актомъ отдачи ими дѣла въ руки правосудія, а простымъ вопросомъ объ Его личномъ отношеніи къ грѣшницѣ и объ отношеніи къ ней окружающихъ. Въ отвѣтѣ Христа должно видѣть указаніе Христа на ту-же мысль нагорной бесѣды, что вмѣсто того, чтобы замѣчать сучекъ у брата, надо посмотрѣть, нѣтъ ли бревна въ своихъ очахъ, а отнюдь не видѣть здѣсь отрицанія судебныхъ установленій. Отрицаніе осужденія личнаго, моральнаго, а не юридическаго, отрицаніе злословія, клеветы должно видѣть въ словахъ Спасителя „*не судите*“ (Мѳ. 7, 1). Если Самъ Спаситель и говорилъ о томъ, что Его осудятъ и учениковъ Его будутъ отдавать въ судилища (Мѳ. 10, 17), то этимъ указывалось только на неправедный судъ, на допущеніе судомъ злоупотребленій, а не на принципіальное отрицаніе судебныхъ установленій. Св. ап. Павелъ самъ, между прочимъ, требовалъ надъ собою суда кесарева (Дѣян. 26, 32).

Что же касается словъ Христа Спасителя: „не противьтесь злу“ (Мѳ. 5, 39), то ихъ должно относить къ отдѣльной данной личности и понимать не въ смыслѣ принципіальнаго отрицанія принудительнаго воздѣйствія на обидчика, а въ смыслѣ запрещенія мести; на это указываютъ и дальнѣйшія слова Спасителя: „*но кто ударитъ тебя въ щеку, подставь ему и другую*“, т. е. когда причиняютъ обиду и насиліе тебѣ

лично, то воздѣйствуй на обидчика исключительно духовными мѣрами кротости, когда же насильникъ причиняетъ вредъ благополучію, а тѣмъ болѣе жизни, тогда я не имѣю права ограничиваться лишь этими мѣрами кротости, а въ случаѣ очевидной ихъ безуспѣшности, долженъ прибѣгнуть къ насилію и въ той формѣ его, въ какой найдетъ нужнымъ примѣнить его законная власть.

Все сказанное о необходимости активнаго (т. е. чрезъ судъ и законное насиліе) воздѣйствія на зло подтверждается и анализомъ приведенныхъ изреченій. Въ священномъ изреченіи: „уклонися отъ зла и сотвори благо"—содержится указаніе не на простое уклоненіе отъ зла, но соединенное съ совершеніемъ блага, т. е. удалившись отъ зла, христіанинъ долженъ твореніемъ дѣлъ любви реагировать на зло и такимъ образомъ ослаблять его и побѣждать.

Пословица—„худой миръ лучше доброй ссоры" также содержитъ въ себѣ указаніе лишь на превосходство кроткихъ мѣръ воздѣйствія на врага предъ бурными и злобными; и выраженіе—„съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись"—говоритъ не принципіально противъ судовъ и о непротивленіи злу, а говоритъ лишь о несовершенствѣ существующихъ человѣческихъ судовъ и необходимости возвышенія ихъ. А вотъ пословица— „не мѣсто человѣка краситъ, а человѣкъ мѣсто"—ясно говоритъ, что мѣрою оцѣнки личности является не положеніе, какое она занимаетъ въ обществѣ, а сама личность: степень соотвѣтствія ея умственныхъ и нравственныхъ силъ занимаемому ею соціальному положенію и степень продуктивности ея работы.

Итакъ, не противленіе злу является препятствіемъ къ христіанизаціи людей, какъ думаютъ толстовцы, а отсутствіе полнаго воплощенія въ людяхъ христіанскихъ началъ служитъ причиною и оправданіемъ существованія противленія злу въ видѣ судовъ, наказаній, войнъ и т. п.

По мнѣнію Толстого, правосудіе несовмѣстимо съ терпѣніемъ обидъ и прощеніемъ. „Христосъ, говоритъ онъ, предписываетъ дѣлать добро за зло, суды же воздаютъ зломъ за зло", а между тѣмъ „зломъ нельзя пресѣчь зла". Эту мысль отстаиваетъ, между прочимъ, герой романа „Воскресеніе", князь Нехлюдовъ въ спорѣ со своимъ зятемъ. Вопреки ученію Толстого, мы должны сказать, что государство, взявши правосудіе въ свои руки, искореняетъ кровавую месть и упраздняетъ самосудъ. Правосудіе стремится къ тому, чтобы охранить общество отъ враговъ его благополучія, предупреждать преступленія, воспитывать въ людяхъ чувство отвѣтственности и долга.—Пользу судебныхъ наказаній признаетъ и большинство современныхъ ученыхъ спеціалистовъ: криминалистовъ-антропологовъ; соціологовъ и моралистовъ. „Рядомъ съ людьми, подчиняющимися склонности къ преступленію, пишетъ извѣстный знатокъ пенитенціарной теоріи и практики, проф. А. Принсъ, существуетъ еще неустойчивая масса колеблющихся. Самыя разнообразныя обстоятельства могутъ сдержать ихъ или же толкнуть впередъ: одна мысль о томъ, что

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общества Наук
Академии Наук СССР

существуетъ уголовное право, т. е., что общество вооружено противъ нихъ, иногда уже сдерживаетъ ихъ. Если бы уголовное право являлось только уздой для колеблющихся, то и тогда оно было бы соціальнымъ колесомъ огромной важности".

Эмиль Лоранъ въ своей „Уголовной антропологіи" говоритъ, что „безъ уголовныхъ наказаній, т. е. безъ устрашенія, производимаго наказаніемъ, порочный человѣкъ оказался бы безпомощнымъ въ борьбѣ съ своей порочностью и всецѣло подчинился бы ей одной". Нѣкій Дриль признаетъ наказанія годными, по меньшей мѣрѣ, къ тому, чтобы обезопасить общество отъ посягательства преступниковъ. Такую же пользу карательнымъ мѣрамъ приписываетъ и ученый Ломброзо, рекомендующій наиболѣе строгіе виды наказаній.

Такъ современные ученые говорятъ о значеніи наказаній, предупреждающихъ преступленія и охраняющихъ общество отъ преступниковъ. Замѣчательно, когда апостолъ Павелъ узналъ о составленномъ противъ него заговорѣ іудеевъ, то нашелъ нужнымъ обратиться къ помощи и защитѣ тысяченачальника Клавдія Лисія (Дѣян. 23 гл.); такимъ образомъ, апостолъ, ради успѣховъ своей миссіи считалъ себя обязаннымъ пользоваться содѣйствіемъ государственнаго правосудія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, во 1-хъ, то, что торжество зла на землѣ лишь только внѣшнее, случайное и временное, конечная же побѣда будетъ на сторонѣ добра, при условіи со стороны людей общенія съ источникомъ истины и добра, со Христомъ, такъ какъ только во Христѣ зло всецѣло побѣждено и воплотилось добро и потому только въ Немъ мы находимъ силы творить добро и побѣждать зло, только у Христа мы получаемъ „*покой душамъ нашимъ*", а путь невѣрія и эгоизма какъ показываетъ намъ жизнь, не даетъ человѣку счастья, не спасаетъ его отъ ужаснаго пессимизма, приводящаго нерѣдко къ самоубійству Такимъ образомъ, нравственность, чтобы быть твердо и ясно обоснованной должна быть религіозно-христіанской, такъ какъ разумъ и совѣсть человѣка сами по себѣ, безъ христіанскаго руководительства, не обезпечиваютъ ему совершенной жизни, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ исторія человѣчества. Во 2-хъ, причина зла на землѣ не во внѣшнихъ, основанныхъ будто исключительно на насиліи, соціально-политическихъ условіяхъ, какъ думаетъ Толстой, а въ самихъ людяхъ, въ ихъ эгоистическомъ и матеріалистическомъ настроеніи; вотъ это-то духовное несовершенство людей и дѣлаетъ необходимымъ организованное насиліе въ видѣ полиціи, суда и войны, какъ сдерживающихъ эгоистическіе порывы людей и охраняющихъ благополучіе и жизнь гражданъ, тѣмъ болѣе, что посредствомъ судебныхъ установленій государство ограждаетъ и благо преступныхъ членовъ общества отъ личной мести обиженныхъ и ставитъ насильственное сопротивленіе зломъ подъ контроль общественнаго разума и справедливости. Въ 3-хъ, христіанская религія есть самая совершенная и вѣчная, и никакія толкованія и искаженія не сдѣлаютъ ее отжившей, такъ какъ

теизмъ, уча о воплощеніи личнаго Бога во Христѣ, о побѣдѣ Его надъ зломъ и смертію, призывая людей къ личному и безсмертному совершенствованію, тѣмъ самымъ глубже удовлетворяетъ запросамъ ума и сердца, нежели пантеизмъ, которымъ уничтожается самое различіе между добромъ и зломъ и который дѣлаетъ человѣка слѣпымъ, безличнымъ орудіемъ въ рукахъ какой-то абсолютной, тоже безличной, силы, разлитой по міровому пространству и дѣлающей жизнь человѣка ареной для разыгрыванія на ней комедій и драмъ [1]).

Истинное-же христіанство не подавляетъ личности человѣка, а наоборотъ индивидуализируетъ и вдохновляетъ ее на личные и соціальные подвиги для достиженія истинной свободы, свободы духа, не отрицая въ то же время за человѣкомъ права на пользованіе всѣми благами естественной и культурной жизни, пользованія, конечно, благоразумнаго, при каковомъ блага не порабощаютъ себѣ человѣка, не мѣшаютъ, но даже содѣйствуютъ ему въ достиженіи высшихъ цѣлей.

Въ заключеніе мы не можемъ не коснуться вопроса о причинѣ столь глубокаго религіозно-философскаго заблужденія покойнаго Л. Н. Толстого, несомнѣнно, великаго писателя и мыслителя земли русской. По нашему глубокому убѣжденію, эта причина—гордость: человѣку всего тяжелѣе подчинить себя высшей, абсолютной, разумной силѣ и всего легче поднять свое я, какъ можно выше, до самообожанія. Для самоувѣренныхъ же, гордыхъ своимъ умомъ христіанство всегда будетъ тайной, которую Богъ, какъ сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, „*утаилъ отъ мудрыхъ и открылъ младенцамъ*“ (Мѳ. II, 25), чтобы „*невидящіе видѣли, а видящіе стали слѣпы*“ (Іоан. 9, 39). „*Если не увѣруете*, говорилъ прор. Исаія (7, 9), то не *уразумѣете*“. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, отрицаніе религіознаго и научнаго знанія, а лишь то, что умъ свой, безсильный въ рѣшеніи насущныхъ вопросовъ о происхожденіи и цѣли всего существующаго, мы должны смирять и восполнять сердечною вѣрою въ истину богооткровенной христіанской религіи. Христіанская религія отрицаетъ не разумъ, а раціонализмъ, т. е. разсудокъ безъ вѣры, безъ религіознаго опыта, подобно тому, какъ и въ точной наукѣ нѣтъ знанія безъ опыта. Св. ап. Павелъ говоритъ, что „*душевный человѣкъ*“ (т. е. не христіанинъ) не принимаетъ того, что отъ Духа Божія (напр., тайна искупленія 1 Кор. 2, 1,—10) и *не можетъ разумѣть*, такъ какъ о семъ должно судить духовно“ (1 Кор. 2, 14—16; Іоан. 6, 43—45; 60—63). Для познанія міра духовнаго необходима любовь къ Богу, отреченіе отъ самолюбія и страстей (Іоан. 5, 42—43;

---

[1]) Пантеистическая мысль Толстого объ обезличивающей человѣка, о непреодолимо дѣйствующей на его жизнь силѣ Провидѣнія или власти судьбы ярко выражена имъ не только въ позднѣйшихъ, спеціально богословскихъ его трудахъ, но и въ прежнихъ, художественно-литературныхъ, какъ, напримѣръ, въ „Войнѣ и Мирѣ“.

10, 26; 8, 43—48; 5, 40; 3, 19—21). Чтобы узрѣть Бога, надо быть „чистымъ сердцемъ“ (Мѳ. 5, 8), необходимо увеличить сродство души съ міромъ сверхчувственнымъ, такъ какъ подобное познается подобнымъ. Вотъ что сказалъ Богъ злому духу въ „Анатемѣ“ Андреева: „Лице Мое открыто, но ты его не видишь, голосъ Мой громкій, но ты его не слышишъ, велѣнія Мои ясны, но ты ихъ не понимаешь“... На графѣ Л. Н. Толстомъ глубоко сбылись великія слова праведнаго старца, Богопріимца Симеона, что Іисусъ Христосъ явился „*на паденіе .... многихъ*“ (Лук. 2, 3—4).

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР